

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Ф. А. АСАДУЛЛИН заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат филологических наук
- Ш. ВЕБЕР научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, профессор экономики Южного методистского университета (Даллас, США), доктор философии в области математической экономики
- Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии, профессор
- Г. М. ГАТИЛОВ заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ независимый журналист, продюсер (Великобритания)
- А. А. ГРОМЫКО профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- П. О. ИЛЬИНСКИЙ ученый-биолог, поэт, прозаик, преподаватель Бостонского университета (США)
- Г. КАСУЛИДИС Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Кипр в РФ
- Ф. Т. МАМЕДОВ профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук
- В. К. МАМОНТОВ журналист, генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», президент редакции газеты «Известия»
- Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
- М. Ф. МОНТЕС старший советник по вопросам финансов и развития межправительственной организации «Южный центр» (Женева, Швейцария), доктор экономики
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Испании (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
- В. В. НАУМКИН директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
- А. В. СМИРНОВ заместитель директора, заведующий Сектором философии исламского мира Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук
- В. В. СОГРИН руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- П. П. ТОЛОЧКО директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
- Е. В. ХАРИТОНОВА старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ЧЖАН ИУ

профессор факультета китайской литературы Пекинского университета (КНР)

А. О. ЧУБАРЬЯН

директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

Г. М. ГАТИЛОВ: — Уважаемые коллеги, мы собрались сегодня, чтобы продолжить обсуждение вопросов, которое было начато вчера в ходе пленарного заседания, где был сделан хороший задел для сегодняшнего диалога. Вчера было высказано много интересных идей, предложений, мнений в отношении того, как нам дальше развивать диалог культур и цивилизаций, особенно в такой критический для развития мировых процессов момент. Прежде чем начать нашу дискуссию, я хочу предоставить слово Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, я приветствую вас от имени Оргкомитета Чтений и желаю успехов в работе, а также хочу поблагодарить за то, что вы здесь собрались. Надеюсь, что наша совместная работа будет способствовать дальнейшему укреплению диалога культур.

Г. М. ГАТИЛОВ: — После напутствия Александра Сергеевича, я думаю, мы можем приступить к практической работе. Мне хотелось бы, чтобы в ходе нашей дискуссии прозвучали конкретные предложения и соображения, касающиеся дальнейшего развития диалога культур и партнерства цивилизаций. На мой взгляд, под термином «становление глобальной культуры» в сфере партнерства цивилизаций следует понимать некие общие категории, свойственные большинству культурных и цивилизационных традиций.

Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил о культуре как о некоем целостном явлении, сакральном поле или особом пространстве с присущими ему неотъемлемыми элементами — наукой, образованием и религией, этическими и моральными нормами поведения людей. Подобное целостное видение способствует достижению большей гармонии, налаживанию взаимоотношений и сбалансированного взаимодействия между всеми участниками диалога культур, в основу которого положены принципы справедливости, этики и морали. Разумеется, ключевое значение имеет и настрой сторон на диалог. Об этом вчера в ходе пленарного заседания было много сказано.

Говорили и о том, что диалог культур и партнерство цивилизаций непосредственно связаны с теми политическими процессами, которые происходят в современном обществе. Поэтому крайне важно слышать друг друга, понимать позиции друг друга и делать из этого соответствующие выводы. Зачастую эти позиции могут не сходиться, а мнения сторон — разниться, но все это делает еще более необходимым налаживание диалога. Если среди участников диалога складывается такая атмосфера и проявляется готовность к поиску ком-

промисса, то и возможность прийти к консенсусу существенно повышается. Поэтому я считаю, что очень важно использовать все площадки для развития таких процессов, а не только межправительственные, межгосударственные переговоры. Сегодня возросла роль и гражданского общества, и общественных организаций, и религиозных объединений. Конечно, в этой палитре Международные Лихачевские чтения занимают свою нишу. Возвращаясь к религиозному аспекту, считаю, что сейчас необходимо как можно активнее подключать и представителей основных религиозных конфессий к диалогу. Думаю, их участие позволит избежать перекосов, которые имели место в ходе состоявшейся недавно в Бахрейне конференции «Диалог цивилизаций», где некоторые участники утверждали, что христианская цивилизация со времен крестоносцев и Византии отягощена кризисными конфликтами. Причем нынешний кризис на Украине якобы тоже является результатом противоборства православия и католицизма.

Мне кажется, что эта проблема гораздо шире, и речь, скорее всего, идет об искусственном противопоставлении этих элементов, но важно, чтобы звучали призывы к созданию одной гуманистической цивилизации на основе религиозной терпимости и уважения культурного многообразия, что переключается с обсуждаемыми сегодня вопросами. На этом я закончу и хочу предоставить слово господину Моратиносу.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Вчера мы начали дискуссию о важности диалога цивилизаций. Конечно, диалог между цивилизациями необходим. Нет иного пути, чтобы найти решение любой проблемы. Но каких конкретных результатов в социальной, политической сферах мы добились? Мы можем продолжать действовать в рамках концепции диалога, но результатов так и не будет. В связи с этим я хотел бы внести конкретные предложения. Диалог цивилизаций должен вестись на двух уровнях. Первый уровень — это уровень профилактики, предотвращения. Необходимо делать все возможное, чтобы межкультурные разногласия в любой части мира были преодолены, поэтому нужны профилактические меры.

Кроме того, следует выдвигать предложения, идеи для тех случаев, когда кризисы все-таки происходят, нужно иметь инструменты для решения этих конфликтов. Разнообразие культур — это не только выражение культур, различных взглядов на жизнь, мир, культуру, историю. Культурное разнообразие — одна из самых главных проблем для безопасности в мире. В корне каждого конфликта, противоречия и кризиса лежит культурное разнообразие. Например, сейчас сунниты

и шииты воюют между собой в Сирии. Это же культурное разнообразие привело к конфликту между Россией и Украиной, где каждый сражается за свои культурные ценности. Философы и писатели могут дать нам много советов по этому поводу, но политики должны воспринимать культурное разнообразие как проблему, как угрозу миру и безопасности. Мы должны разработать механизмы, чтобы культурное разнообразие не приводило к реальным проблемам в области безопасности в XXI веке.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, господин Моратинос, за ваше яркое выступление. Слово предоставляется господину Ежи Вятру.

ЕЖИ ВЯТР: — Я продолжу тему, поднятую господином Моратиносом. Мне хотелось бы подчеркнуть различия между тремя фундаментальными типами международных конфликтов. Первый заключается в различии национальных интересов. Второй — в конфликте идеологий. И третий — то, что Сэмюэль Хантингтон называл столкновением цивилизаций, то есть различием культур.

Первый тип конфликтов довольно легко разрешить. Если две стороны имеют разные интересы, обычно всегда можно прийти к компромиссу. Если это территориальные разногласия, мы можем где-то посередине провести разделительную линию между ними. Что касается идеологии, то это связано с культурой. Одна из двух соперничающих идеологий будет доминировать в мире. И в этом смысле нет возможности компромисса. Третий тип конфликтов — столкновение цивилизаций или культур — предполагает, что конфликт заключается в истории стран и разных народов. В этом случае источником потенциального конфликта является то, что каждая из культур состоит из набора ценностей, а они могут сильно различаться.

Если мы, например, сравним то, что происходит сейчас в области прав человека, то увидим различия между либеральным западным пониманием и пониманием прав человека в других частях света. Есть ли здесь место для компромисса? Возьмем, например, гомосексуалистов. В этом вопросе современные культуры расходятся. Я не вижу здесь никакой возможности для компромисса. Я думаю, что потенциал для диалога заключается в том, что надо обсудить и постараться понять, почему те, другие, отличаются от нас, и таким образом, может быть, мы сможем немного изменить наши ценностные ориентиры. Почему ценности этих «других» отличаются от наших?

Мы можем отвергнуть идею навязывания наших ценностей другим, и это порой выглядит слабостью или релятивизмом. Но, на мой взгляд, это не слабость, а признание того, что люди и культуры отличаются друг от друга. Я верю в определенный набор ценностей, но понимаю, что люди в других частях света могут иметь иные ценности. Я не хочу эти ценности у них заимствовать, но могу научиться их уважать. В конечном счете будет несогласие при взаимном уважении. Диалог полезен только в том случае, если он приводит к лучшему пониманию, а не стремится убедить других

отказаться от своих ценностей и принять мои. Скорее надо объяснить, во что верю я, какие ценности важны для меня, и я хочу понять, во что верят они. Они должны уважать мой образ мысли, а я в ответ буду уважать их. Это может способствовать более дружественному и мирному образу жизни.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Я благодарю господина Ежи Вятра за его выступление. С моей точки зрения, он высказал правильную мысль о том, что мы действительно должны слышать друг друга и понимать позиции другой стороны, какие бы они ни были. Но я согласен также и с тем, что нельзя ценности, которые исповедует одна из сторон, навязывать другим. Потому что иначе это приводит к дисбалансу и является контрпродуктивным. Например, уже упоминавшаяся проблема сексуальных меньшинств. Да, мы можем ее понять, мы ее принимаем, но когда на международных площадках нам навязывают это в качестве основной ценности, с этим мы согласиться не можем. Я передаю слово Виталию Вячеславовичу Наумкину.

В. В. НАУМКИН: — Я считаю, что это правильная постановка вопроса: неприемлемо, когда навязывается, скажем, нашей стране на международных площадках проблема отношения к сексуальным меньшинствам как едва ли не к мерилу прав человека. Притом что негативное отношение к меньшинствам в нашей стране западными партнерами всегда преувеличивается. Хотя ограничения у нас налагаются только на пропаганду, причем направленную на молодежь. В принципе у нас никто за это в тюрьму не сажает. Но хочу поспорить с нашим польским другом и моим коллегой. Где все-таки проходит красная линия, что приемлемо, а что неприемлемо? Это первое.

Второе — это те двойные стандарты, которых придерживаются наши западные (и не только западные) коллеги, исповедующие либеральные ценности и сегодня сталкивающиеся с кризисом. Приведу один пример. Есть страны, которые наши партнеры сильно «прессуют» за существующие и несуществующие нарушения и которым мешают жить в соответствии с правилами, заложенными в цивилизационной парадигме. А с другой стороны, если мы посмотрим на страны политически выгодные и удобные нашим партнерам, никаких претензий не предъявляется.

Не так давно в Саудовской Аравии один египетский врач допустил ошибку, принимая роды у женщины из правящего семейства, за что был приговорен к 15 годам тюремного заключения и полутора тысячам ударов плетью: по 100 ударов на протяжении 15 лет. Или в Судане женщину приговорили к 100 ударам плетью за то, что она вышла замуж за христианина, а по закону этого делать нельзя. Это считается адюльтером и наказывается подобным образом.

Я привожу эти примеры, потому что никому и в голову не придет оказывать давление на Саудовскую Аравию и сотрудничающие с ней страны на Ближнем Востоке, так как многие зависят от ее нефти. Эти нормы существуют и вполне приемлемы для либеральных правительств и западного общества,

потому что это невыгодно. Поэтому дело не в цивилизации, а в политике. Политика оказывает влияние на эти конфликты и на те, казалось бы, несовместимые ценности, которые в одних случаях принимаются, а в других рассматриваются как совершенно неприемлемые, опять-таки в силу желания уменьшить влияние той или иной страны, снизить ее потенциал, изолировать ее, как это происходит в данном случае в отношении России.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, Виталий Вячеславович. Теперь я хочу предоставить слово нашему коллеге из Соединенных Штатов Америки Шломо Веберу.

ШЛОМО ВЕБЕР: — Мы говорим о разных конфликтах. А почему возникают конфликты? Здесь называли разные причины: национальные интересы, война цивилизаций и т. п. Но один момент был упущен — это борьба за экономические ресурсы. Большинство конфликтов происходит именно по этой причине.

Один из примеров — трагедия Африки после колониального периода, когда борьба за ресурсы и война между различными этническими группами привели к полному развалу некоторых африканских стран. Надо отметить, что в этом есть и плюсы, и минусы. Поскольку, если страны или группы борются за экономические ресурсы, в этом кроется возможность совместной работы и даже надежды на процветание. Мы можем критиковать Европейский Союз за ту политику, которую он проводит. Тем не менее 60 лет европейской интеграции показали, что экономическое процветание ее участников является одним из элементов мирного существования.

Это не единственный пример. Возьмем АСЕАН — пример сотрудничества азиатских государств, которое на самом деле было очень продуктивным для экономического развития и предотвращения разных конфликтов. Или МЕРКОСУР в Латинской Америке, где совместные экономические проекты помогли уменьшить число конфликтов. Я живу в Техасе, который является одним из основных участников НАФТА — Соглашения о свободной торговле между Соединенными Штатами, Канадой и Мексикой, и на собственном опыте могу сказать, что экономическое сотрудничество привело к процветанию Техаса, Мексики и Канады. На основании сказанного хочу резюмировать: нельзя говорить о конфликтах, не учитывая экономический фактор, который способствует не только их предотвращению, но и процветанию и развитию участников конфликта.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Благодарю Вас. Пожалуйста, господин Фуад Мамедов.

Ф. Т. МАМЕДОВ: — Я согласен с выступающими: должны присутствовать оба подхода. Во-первых, с точки зрения гармонизации культур и, во-вторых, с точки зрения гармонизации интересов. Безусловно, достижение взаимопонимания требует гармонизации. С одной стороны, необходимо вырабатывать определенные идентичности, основанные на общечеловеческих инте-

ресах, базовых ценностях культуры. Это очень важно. Потому что именно культура является истинным критерием ценности человека, независимо от национальности, вероисповедания, места рождения.

Культура — основа всего, личностная культура, духовная. Я имею в виду, конечно, совокупность культуры разума и культуры чувства, что, как мне кажется, могло бы помочь в решении проблем диалога культур. Об этом много написано, но реальных результатов недостаточно, потому что мы практически не думаем о конкретных механизмах.

Необходимо выработать универсальные этические принципы и работоспособные модели сотрудничества и партнерства. И здесь важную роль играет социальная среда в разных странах, которые, в свою очередь, очень зависимы от политики. Поэтому первое мое предложение — провозгласить десятилетие развития глобальной культуры, в рамках которого предлагается организовать постоянно действующий выездной международный лекторий под названием «Культура спасет мир». Его целью будет содействие реализации международных программ и проектов, ориентированных на аккультурацию и инкультурацию людей, с тем чтобы базовые человеческие ценности, а не национальные, были положены в основу взаимопонимания и сотрудничества. Во-вторых, я предлагаю проводить международные телевизионные культурологические мосты, которые также будут способствовать решению этой задачи.

И, наконец, третье — подумать о реализации международной программы перехода от человека типа *Homo sapiens* к человеку типа *Homo cultures*. Дело в том, что *Homo sapiens*, к которому все мы относимся, сегодня воплощают в себе и культуру дикости, и культуру варварства, и культуру феодализма, и культуру техногенной цивилизации, в том числе и культуру гуманизма. Следовательно, нужно все это перевести на гуманитарную основу, потому что другого пути нет.

Может быть, разработка такой международной программы и соответствующих национальных проектов в каждой стране могла бы помочь сближению и большему взаимопониманию. Возможно, в рамках этой программы можно было бы также подумать о создании международного совета мировой культуры для координации усилий культурологов, политологов, социологов, экономистов, правоведов и даже религиозных деятелей для того, чтобы вырабатывать высокие стандарты духовной, интеллектуально-этической культуры. Потому что невежество — это зло и бедность, а культура — это прежде всего знание, развитие и благосостояние.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо большое, господин Мамедов, за интересные предложения. Я согласен с Вами, хочу лишь заметить, что у нас, в России, со многими странами сейчас проводятся перекрестные годы культур. Это действительно сближает народы, создает ту площадку, на которой можно вести диалог. Более того, даже сейчас, когда мы переживаем достаточно острую фазу отношений с западными партнерами, то, что касается культурных связей, в меньшей степени подвержено негативным процессам. Поэтому

я абсолютно согласен с Вами, что такую культурную площадку нужно продолжать развивать. Кстати, для этого есть соответствующие форумы и в рамках ЮНЕСКО, и в рамках других международных организаций, на двусторонней основе. Слово предоставляется Владимиру Викторовичу Согрину.

В. В. СОГРИН: — Уважаемые коллеги, я несколько расширю контекст нашего обсуждения. На пленарном заседании говорилось об информационных войнах. Было высказано мнение, что России нужно стремиться побеждать в них и для этого есть все возможности. Эта цель, на мой взгляд, несовместима с идеей развития диалога цивилизаций. Я также почувствовал одностороннюю критику: Запад обвиняют в двойных стандартах, как будто бы с нашей стороны какие-либо двойные стандарты отсутствуют.

Если одна сторона будет преодолевать двойные стандарты, а другая — нет, то продуктивный диалог вряд ли получится. Раскрою некоторые препятствия для развития диалога. Я не хочу, чтобы велись информационные войны и какая-либо сторона в этих войнах побеждала, будь то российская или американская. Рассмотрим конкретный диалог двух совершенно разных цивилизаций — Соединенных Штатов Америки и России. В рамках информационных войн со стороны России используется антиамериканизм, а со стороны США — русофобия. Антиамериканизм — это негативный мифологический образ Соединенных Штатов Америки, а русофобия — негативный мифологический образ России.

Изучением образов других стран занимается специальная дисциплина — имагология. Для нее главной методологической парадигмой является пара «свой–чужой», иначе говоря, каждый судит о другом в меру своей испорченности, в меру собственных качеств. Это очень опасно для диалога. И русофобия, и антиамериканизм включают два одинаковых метода, которые являются основой информационных войн. Я считаю, что, с точки зрения интеллигенции, интеллектуалов, важно обращать внимание на эти два метода, потому что, если мы их будем использовать, никакого диалога не получится.

Первый метод — это манихейство, то есть каждая сторона разделяет мир на две силы — добро и зло. Со стороны России и в рамках антиамериканизма Россия — это добро, а Америка — зло. Со стороны США манихейский подход заключается в том, что Америка — это добро, а Россия — зло.

Второй подход — конспирологический. Каждая сторона видит в неприемлемых для нее событиях происки противной стороны: Москва — руку «вашингтонского обкома», а Вашингтон — «руку Москвы». В период холодной войны Вашингтон неприемлемы для него изменения в третьем мире (Вьетнам, Ангола, Мозамбик, Куба, Никарагуа и т. д.) приписывал проискам Москвы, отрицая внутренние причины радикальных перемен. Сегодня Вашингтон объясняет сопротивление Донбасса и Луганска исключительно провокациями Москвы. Но и Москва игнорирует внутренние причины нежелательных для нее перемен, скажем, в Гру-

зии и на Украине видит исключительно происки Вашингтона, игнорируя то, что оба государства по своей воле отказались от союза с Москвой и избрали США «империей по приглашению».

Рассмотрим пример Украины. Вчера я услышал замечание со стороны украинского коллеги, что в 1991 году якобы США желали распада Советского Союза и организовали его. Это типичное объяснение всех постсоветских конспирологов. На самом деле факты свидетельствуют о другом: осенью 1991 года президент США Буш-старший, выступая в Верховной Раде, заявил о том, что он категорически против отделения Украины от Советского Союза, поскольку национальным интересам США угрожает распад великой ядерной державы. Но члены партии «Рух», которая господствовала тогда в Верховной Раде, заявили о том, что это «политика двойных стандартов»: «Вы же отделились от Англии в 1776 году, и мы хотим отделиться от России». То есть США были за сохранение Советского Союза, а Украина — против, и она добровольно вышла из состава СССР, с самого начала сделав анти-российский, прозападный выбор.

В 1992 году США в одностороннем порядке заявили о том, что одержали победу в холодной войне и стали использовать ее завершение в своих интересах. Они потерпели затем много поражений, потому что идея однополярного мира несостоятельна, особенно это стало очевидно в период президентства Буша-младшего. Но в одном случае — на постсоветском пространстве — им сопутствовал успех, потому что бывшие страны Варшавского договора и шесть советских республик захотели выйти из российского цивилизационного пространства и войти в американское имперское пространство. Они посчитали, что так достигнут лучшей доли, и среди этих государств была Украина. Мы критикуем Америку за то, что она выделила 5 млрд долларов на организацию «подрывной» деятельности на Украине. Но господин В. Жириновский в Государственной Думе заявил о том, что Россия выделила 60 млрд долларов на всевозможные льготы и поддержку Украины. Возникает вопрос: почему 5 млрд долларов одержали победу над 60 млрд?

Факты должны освобождаться от манихейского и конспирологического подходов. Необходимо объективно оценивать ситуацию — только так мы сможем создать надежную платформу для объективной оценки мировых событий, и только это, а не информационные войны, есть основа плодотворного диалога цивилизаций.

Часто в нашей стране высказывается положение, что все, кто не разделяет антиамериканскую позицию, — это «пятая колонна». Я же считаю, что в нашей стране никакой «пятой колонны» нет, просто одни слепо любят Россию, а другие — рационально, а такие понятия, как «пятая колонна», должны изыматься из диалога культур.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, Владимир Викторович, было высказано много интересных и, возможно, спорных суждений. Слово предоставляется профессору Чжан Иу.

ЧЖАН ИУ: — Встречи, подобные этой, часто происходят в Пекине, где обсуждаются схожие проблемы (позиция по отношению к Западу и культурный обмен между странами) и многие другие. Хотя обсуждение проходит на другом языке, темы дискуссий очень похожи. Мне кажется, тематика данных дискуссий включает два важных общих вопроса.

Первый — Россия, так же как Китай, испытывает влияние и давление со стороны Запада. Это влияние достаточно разнонаправленно и неоднозначно. Поэтому перед Китаем стоят те же проблемы, что и перед Россией. Существуют разные пути решения подобных вопросов, аналогичные у разных стран: один подход — это общепринятый путь решения сложных ситуаций, другой — специфический.

Второй вопрос — это взаимопонимание. Важно стремиться достичь взаимопонимания с помощью диалога культур, понять представителей другой культуры.

В настоящее время в условиях стремительного экономического роста китайцы столкнулись с ситуацией, когда необходимо заявить о своей позиции по отношению к Западу. Еще более сложная задача — найти пути взаимодействия, не вступая в конфронтацию с Западом и в то же время избегая полной приверженности ему. С одной стороны, важным является сохранение своих интересов, с другой — большое значение имеют взаимопонимание и культурный обмен.

Культурный обмен действительно очень важен. На мой взгляд, он должен иметь две основные формы. Во-первых, это проведение таких форумов, как сегодня, обмен мнениями в рамках таких встреч. Во-вторых, это обмен на уровне массовой культуры, например взаимообмен между представителями молодежной поп-культуры. Так, американский телесериал “House of Cards” в настоящее время очень популярен в Китае, благодаря ему китайцы могут получить больше информации о США.

Китайские телесериалы также становятся популярными в разных странах. В частности, они пользуются большим спросом во Вьетнаме. Несмотря на недавний конфликт, произошедший между Китаем и Вьетнамом, китайские фильмы по-прежнему продолжают завоевывать зрительскую аудиторию. В действительности культурный обмен, несомненно, затрагивает политические интересы разных стран. Телесериалы являются одной из форм распространения влияния.

Кроме этого, важно взаимопонимание. В Китае существует традиционный подход к данной проблеме — следует проявлять сочувствие к другому человеку, представить себя на месте другого, то есть размышлять с позиции других людей, уважать не только свое, но и чужое мнение. Это один из способов разрешения конфликта. Другой путь разрешения конфликтной ситуации — позволить всем открыто и смело излагать разные точки зрения, с тем чтобы через подобное столкновение мнений достичь взаимопонимания. Эти два способа, возможно, применимы для решения многих вопросов.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Я благодарю профессора Чжан Иу за его взгляд на проблему, это нам весьма интересно. Слово предоставляется Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — В. В. Согрин возразил неназванному им по имени украинскому представителю, который почему-то решил, что США помогли развалить Советский Союз. Согласно Согрину, они этого не хотели. Это мнение подпитывается мифом о том, что во всем виноваты американцы. Если бы так! К сожалению, это не миф, а жестокая реальность. О ней поведали миру президент США Б. Клинтон и премьер-министр Великобритании М. Тэтчер. Первый заявил, что, расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, бывшее основным конкурентом Америки, а вторая в Хьюстонской речи в ноябре 1991 года разъяснила, что Запад всегда предпринимал действия, направленные на ослабление экономики СССР и создание у него внутренних трудностей.

К сожалению, и после распада СССР американцы не прекратили свое вмешательство в дела региона. Теперь их жертвой стала Украина. Организовав государственный переворот, США и Запад сдетонировали на Украине межэтническое и межкультурное противостояние, вылившееся в гражданскую войну на юго-востоке страны. Это тоже не мифология, а реальность. США не устраивала Украина, имевшая равные отношения с Россией и Западом. Ее заставили определиться в пользу Запада, что не могло не вызвать в ней внутреннего социального и духовного кризиса.

К сожалению, на научных конференциях, даже на таком авторитетном форуме, как Лихачевские чтения, невозможно решить подобные проблемы. Культура не может исключить столкновения интересов стран и регионов. И, тем не менее, интеллектуалы должны говорить об этой реальности, чтобы сделать ее менее жестокой. Переводить ее в область мифологии и стереотипов общественного мнения — значит предаваться самообману.

В. В. СОГРИН: — Я абсолютно согласен с Вами, но хочу уточнить: Америку пригласили на Украину. Вспомните Кучму, Ющенко, да и нынешних руководителей.

П. П. ТОЛОЧКО: — Знаете, если к Вам приходят с автоматом, то Вы просто вынуждены пригласить. Не буду дальше дискутировать, но я считаю, что политика и экономика правят миром. Надо исходить из данных реалий и находить решение этих проблем.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, Петр Петрович. Проблема Украины, безусловно, многогранна и сложна. Ясно, что мы здесь ее не решим, но тем не менее послушать друг друга все равно полезно. Я предоставляю слово Мануэлю Монтесу.

МАНУЭЛЬ Ф. МОНТЕС: — Я как экономист согласен с тем, что здесь было сказано. Задаюсь вопросом: можно ли конфликт цивилизаций решить с помощью экономического роста? Возьмем, например, Грецию. Экстремистские настроения в греческом обществе возросли исключительно из-за экономических неудач. Поэтому, я думаю, мировые лидеры

на международном уровне должны как можно скорее обеспечить экономический рост, социальную защиту, финансовые интересы разных стран и слоев населения, подобно тем программам, которые были реализованы в Польше, Испании, Португалии. Экстремизм обуславливается утратой молодежью перспектив на будущее. Яркий пример — раскол Югославии, приведший к насилию, конфликтам, столкновению цивилизаций.

Не думаю, что в холодной войне проиграла одна из идеологий. К тому же даже на Западе в связи с кризисом сейчас идут разговоры о пользе левой идеологии. Я понимаю, что это не решение вопроса, но в условиях экономических проблем, безусловно, идеологии начинают сталкиваться с новой силой. Поэтому нам необходимы такие международные обязательства, такие системы отношений, которые могли бы реагировать на экономические проблемы в разных странах, улучшая благосостояние народов и тем самым преодолевая столкновения и конфликты.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо большое. Слово предоставляется Елене Владимировне Харитоновой.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Я представляю Институт Африки Российской академии наук. Эта организация позволяет изучать реальный материал, легко экстраполирующийся на события и явления в разных регионах мира. Мое сообщение касается двух событий, которые произошли за прошедший год в Африке. Первое — это смерть Манделы и все сопутствующие этому мероприятия, а также идеология национального примирения, которую он реализовал в качестве цивилизационной альтернативы в Африке. Второе — двадцатилетие геноцида в Руанде, которое сопровождалось проведением мероприятий «квик ибука», что переводится как «прощаю, но помню».

Я бы хотела высказать несколько тезисов. В каждом конфликте нужно находить: первое — предмет интересов, а второе — игроков, заинтересованные стороны. Я согласна с господином Вебером, что в основе большинства конфликтов лежат экономические интересы, битва за ресурсы, чем, кстати говоря, объединены те страны, которые этими ресурсами обладают. И африканский регион, и Россия в этом смысле имеют много общего, что афористически выражается в поговорке «Враг лисы — ее хвост». В битве за ресурсы используются различные средства, в том числе этнические и идеологические конфликты, профессиональные и религиозные войны. Но очень часто мы занижаем роль субъективного фактора в тех событиях, которые наблюдаем в истории и в нашей реальности.

Я думаю, правы и те, кто говорит, что экономика и культура — разные вещи. Мне бы хотелось несколько сместить акцент и поговорить о роли культуры, культурного фактора в битвах за ресурсы. На пленарном заседании звучал тезис о том, что условием диалога является понимание сторонами друг друга. Однако мы видим огромное количество примеров, когда понимание культуры является методом манипуляции и возможно-

стью для эффективного управления одной стороны по отношению к другой.

В качестве примера можно привести этнологическую науку колониального характера. Экстраполируя на современность, могу сказать, что советология — это та же история, что и этнография колониальных времен. Поэтому понимание культуры не является гарантией диалога. Можно понимать и делать вид, что не понимаешь. Можно создавать иллюзию понимания.

Возвращаюсь к геноциду в Руанде. С подачи некоторых игроков народы тутси были названы тараканами, и хуту — те, кто убивал тутси, — убивали не людей, а тараканов. То же самое происходит и на Украине, когда убивают не людей, не патриотов, не русских, а колорадских жуков. Прямая аналогия того, что происходит в новейшей истории Украины, с тем, что происходило в Африке. Мы видим огромное количество примеров, свидетельствующих о получении морального права на убийство, когда вторжение, казнь, оккупация сопровождаются уничтожением культуры и истории. Так было и в Ираке, то же самое происходило и в Мали, и это происходит повсеместно. Происходят зачистка культурных памятников, деперсонализация жертвы, лишение субъектности потенциальной или реальной жертвы, чтобы потом ее не жалко было уничтожить. Именно в этом контексте я предлагаю рассматривать события, в которых объединяются и культура, и диалог, и битва за ресурсы.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, Елена Владимировна. Слово предоставляется Петру Олеговичу Ильинскому.

П. О. ИЛЬИНСКИЙ: — Мы живем в очень непростое время — между Россией и Западом наблюдаются серьезнейший конфликт и почти полное непонимание, причем взаимное. Скажу об этом с российской стороны, а не с западной. Мне кажется, что для России сейчас важнее, чем для Запада, предпринять определенные шаги, это нужно сделать в течение нескольких ближайших лет или десятилетий. Сегодня уже был озвучен основополагающий вопрос этого непонимания: «А зачем они туда полезли?». А потому, что не может западная цивилизация не полезть, уж такая цивилизация. Так же как афиняне терпеть не могли их современники, потому что это была самая мощная цивилизация, которая всюду лезла, часто себе во вред, кстати. Здесь то же самое. Это нормальный процесс для Запада, потому что это самая мощная цивилизация в истории человечества.

Россия, на мой взгляд, должна больше изучать Запад, поскольку обречена жить по-соседству. Надо хорошо знать своего соседа, а сейчас он известен нам недостаточно. Нам необходимо понять свою историю отношений с Западом и рассказать ему о себе, потому что Запад сам не обязан понимать Россию — она должна себя объяснить. Если не объясним, то оставим это средствам массовой информации. Я смотрю параллельно российские и англоязычные средства массовой информации. Это, конечно, «чума на оба ваши дома».

Один замечательный английский писатель в свое время сказал, что у нас теперь вместо истории — газеты. Так и у нас — вместо истории теперь СМИ. Что это означает? Нам рассказывают конец истории. Не освещают ни начало, ни сам процесс, мы ничего об этом не знаем. Как сказал тот же писатель, «когда мы прочитываем о смерти генерала Бэнкси, из этого следует, что он когда-то родился». Недавно большинство живущих на Западе людей узнали, что некая страна разваливается — об этом несколько недель назад рассказали СМИ. И неожиданно люди обнаружили, что, оказывается, существовала целая страна, которая когда-то образовалась, где-то находится, хотя они плохо представляют, где именно, и т. д. И это надо менять, особенно с российской стороны, устранять этот недостаток знаний.

Запад изучает Россию уже 500 лет, в каждом веке пишутся по 2–3 основательных труда о России, в последние 200 лет написано несколько тысяч специальных работ. Россия про Запад написала две концептуальные, по-моему, работы — Данилевский в XIX веке и Зиновьев — в XX. К тому же в России о них не очень хорошо известно.

Нужно лучше изучать Запад. Изучать на двух уровнях: индивидуальном и общественном. Во-первых, надо все-таки лично общаться с другой культурой: путешествовать, возвращаться, смотреть на себя, на других. Приведу пример. Приехал Федор Михайлович Достоевский впервые в Европу, понаблюдая, как там люди живут, и написал свои первые заметки о Западе. А увидел, что там, оказывается, процветает слежка — на этом демократическом Западе за всеми следят. Там, оказывается, холодная технологическая цивилизация. Оказывается, секс-индустрия присутствует в Лондоне (какой ужас!). И вообще, у них все не так и неправильное христианство.

И об этом он написал во многом, как мы сейчас понимаем, несправедливо. Но в то же время он за время той же поездки посмотрел на Россию другими глазами, что породило у нашего автора много тонких мыслей о своей родине. Но самое главное — во время этого внутреннего диалога с Западом ему пришла в голову идея о сверхличности — человеке, который будет жертвовать собой во имя других. Таким образом родился роман «Идиот» — одно из величайших произведений мировой литературы, которое объясняет кое-что про русских не только им самим, но и всему миру. Вряд ли кто объяснил это лучше, чем Достоевский. Попросите на Западе назвать наиболее известных представителей русской культуры, и скорее всего это будут Достоевский, Толстой и Чайковский — все. Может быть, потом вспомнят еще кого-то, но эти самые главные. Таким способом, на личном, индивидуальном уровне нужно познавать чужую культуру. Кстати, «Идиот» был написан в основном в Швейцарии и Италии, во Флоренции...

Во-вторых, на общественном уровне Россия должна сама себе объяснить, как она жила по соседству с Западом 500 лет, и рассказать об этом Западу. Запад, как я сказал, — самая мощная цивилизация в истории человечества. Как только она в XV веке стала технологически совершеннее других, то завоевала почти весь

мир. Сегодня здесь присутствуют представители стран, бывших некоторое время назад европейскими полуколониями, — Китая, Японии, Таиланда, но даже они — исключение, поскольку весь остальной мир в то или иное время был западной колонией. А Россия вообще никогда не была даже полуколонией, потому что выработала способ борьбы с Западом. Это была не очень приятная система, но и соперник у нее был особенный — самый сильный в истории человечества. Поэтому образовалась вертикаль власти, служилое сословие; Россия стала заимствовать военные технологии, нанимать специалистов военного дела, расширять территорию, насколько возможно, — чтобы если захватили, то хоть до Москвы не дошли.

Более 200 лет эта система замечательно работала, и венцом стал 1814 год, когда она окончательно победила. И тут вдруг Запад обнаружил на своих границах иную цивилизацию, сравнимую с собственной. Тогда и родились эти цивилизационные антирусские стереотипы, которые существуют до сих пор, знаменитая русофобия эпохи 1830–1840-х годов. Но потом началась Крымская война, и система почему-то не сработала. Крымская война — поражение, новая попытка реформ — опять поражение. Затем попытка реформирования советской системы — снова не удалось, и опять поражение. Понимаете, эта система работала замечательно 200 с лишним лет, а потом дала сбой. И если сейчас, в четвертый раз, пытаться повторить то же самое — заимствовать только военные технологии и отодвигать границы, строить жесткую вертикаль власти, это уже не сработает, нужно перенимать что-то еще.

Полагаю, нужно заимствовать у Запада то, в чем он сильнее всего, — внутренние общественные технологии. За 500 лет европейское общество прошло колоссальный путь развития. Поэтому здесь есть обратная связь между обществом и государством, есть освобождение творческой личности. Западный человек знает, что если в 19–20 лет он обладает каким-либо талантом, то у него высок шанс в 45–50 лет стать обеспеченным, серьезным, уважаемым членом общества. У российского 20-летнего таланта такой уверенности нет, она должна появиться. До тех пор пока у нас не произойдет заимствования общественных технологий, их переноса на российскую почву, не будет уважения и признания Западом. Только от России зависит, чтобы Запад принял ее как независимую, но не недружественную самость и соседа. Конфликтовать не нужно, нужно сотрудничать.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Интересный взгляд, нестандартный и достойный размышлений. Спасибо. Слово предоставляется Юрию Самуиловичу Голигорскому — независимому журналисту и продюсеру из Великобритании.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я рад, что здесь вспомнили выступление Буша-старшего в Верховной Раде в Киеве. Иногда мне казалось, что я единственный, кто это помнит, потому что я был на том заседании. Создавалось такое впечатление, что он тогда не просил, а умолял подписать Союзный договор. Не потому, что так любил Советский Союз, а потому

что страшно опасался его распада, как тогда думали, на 15 ядерных элементов. Потом оказалось, что только на четыре...

Здесь было озвучено несколько тем, которых я хотел бы коснуться. Начну с русофобии на Западе. Я живу в Лондоне около 40 лет и хорошо его знаю. Попробуйте найти билеты на ежегодно приезжающие в Лондон Большой театр, Мацуева, Башмета — и вы определите уровень русофобии в Лондоне. Спросите интеллигентного британца, кто такой Антон Павлович Чехов, и он вам скажет, что это национальный английский драматург — только так и воспринимается, поскольку в Лондоне ежегодно ставится не менее двух чеховских пьес. В Лондоне идут постановки Трифонова, современных российских авторов. Попробуйте пробиться сквозь толпу во время празднования Масленицы на Трафальгарской площади — и вы определите уровень русофобии в Великобритании. И, наверное, уже как апогей — всего еще полгода назад велись серьезные переговоры о том, что Росатом будет строить атомную станцию в Великобритании. Кириенко приезжал, и это обсуждалось на самом высоком уровне. Это что касается русофобии.

Далее, было сказано, что Маргарет Тэтчер злорадствовала по поводу распада Советского Союза. Тэтчер, если мне не изменяет память, сделала ставку на распад коммунистической системы, но не на распад СССР. Вы ошибочно ставите знак равенства между этими событиями. Но, очевидно, она шире смотрела на вещи, потому что коммунистическая система — это был не только Советский Союз. СССР выступал во главе, но ведь была еще и Восточная Европа, поэтому там был замешан Бжезинский и прочие.

Потом было сказано, что есть какое-то единое западное мнение и западная пресса. Действительно, есть такое понятие, как западная пресса, но нет такого понятия, как единое мнение в западной прессе. Не потому что мы такие умные, белые и пушистые, а потому что, если мы будем дуть в одну дуду, мы никогда не продадим ни одну нашу газету, ни теле- или радиопередачу.

Мы должны давать палитру мнений. Наша пресса и средства массовой информации должны быть такими же полифоничными, как фуги Баха, иначе мы ничего не продадим. У нас разные читатели, у них разные вкусы, мнения, разные идеи, понятия и восприятие окружающей среды. Приведу пример. Вы, Петр Петрович, сказали о том, что Януковича курировали ЦРУ и Байден. И пресса у нас писала об этом. Да, приезжали ЦРУ, Байден, но у нас также писали, что приезжал Сергей Орестович Беседа — генерал-полковник ФСБ, который тоже курировал Януковича. Но дело в том, что у нас писали об этом и мы знаем об этом. Конечно, очень важно, что пишут западная печать и средства массовой информации — они в одинаковой степени освещают абсолютно все аспекты конфликта, чтобы мы поняли. Но главный вопрос, который ставит западная пресса в отношении Украины: может ли государство с населением 46 млн человек принимать самостоятельные решения или же оно всегда будет действовать по указке либо московского, либо Вашингтонского «обкомов»? В по-

становке этого вопроса западная пресса абсолютно единодушна.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо. Слово предоставляется Послу Испании в Российской Федерации Хуану Антонио Марку.

ХУАН А. МАРК: — Я нахожу интересным предложение господина Мануэля Монтеса глубже проанализировать отношения между цивилизацией и экономикой. Думаю, что сегодня это ключевой вопрос. До сих пор мы говорили о глобальной конкуренции — о том, как цивилизации готовят своих членов к тому, что в открытой экономике можно потерпеть поражение и проиграть. Так, у нас примерно 15 лет назад в текстильной промышленности квотировали импорт текстиля из Турции и Египта, но потом в какой-то момент решили открыть свободный рынок. И сразу же Турция, Марокко и Египет исчерпали свои возможности конкуренции с Китаем, который занял все ниши.

Посмотрев на подобные взаимодействия цивилизации и экономики, можно понять, что проблема соревнования в глобальном масштабе очень серьезна. Например, арабская культура с большим трудом интегрирует в экономику женщин, 50 % населения не интегрировано. Как это сказывается на возможностях конкуренции в глобальном масштабе? Это очень важный вопрос, и его необходимо серьезно обдумать.

Европейская цивилизация великая, с более чем двухтысячелетней историей, но нам тоже надо думать о будущем и учиться конкурировать. Проблема в том, что наша цивилизация стара, поэтому находится в стадии распада, к тому же мы недостаточно сообразительны. У России в этом смысле, я считаю, колоссальный потенциал — много умных молодых людей, которые хорошо знают физику и математику. Но вот что меня беспокоит. Чубайс как-то сказал: «В России мы очень активно направляем деньги в науку, но у нас совершенно не получается превратить науку в деньги». Анализируя глобальную экономику, мы находим российские предприятия в основном в сферах нефтедобычи и энергетики. Но практически нет крупных российских компаний в пищевой промышленности, архитектуре. Так что, может быть, стоит перестать думать о прошлом и жить прошлым, а подумать о том, как могли бы работать в будущем, организовав тысячи успешно работающих предприятий в других отраслях.

Возможно, то, что я сейчас скажу, покажется политически некорректным, но, на мой взгляд, Европа, по крайней мере ее западная часть, исторически тесно связана с Россией. Вместе мы могли бы составить огромное пространство — 800 млн человек. И мы можем воспользоваться тем, что нам предлагается, — тесной связью, как это происходит в Соединенных Штатах. Мы могли бы организовать такое же пространство, как в США, на территории России. Я думаю, что россиянам необходимо объединиться с Европой. В Европе все убеждены, что Россия — на 100 % европейская страна. Америка играет с Азией. Но будущее России все-таки рядом с Европой. И мы могли бы тогда учесть предложение господина Моратиноса

о предотвращении конфликтов, о том, чтобы принимать соразмерные меры на европейском пространстве. Это довольно хорошее предложение.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется Анатолию Андреевичу Громыко.

А. А. ГРОМЫКО: — В 1930-е годы, когда Эйнштейн разъяснял миру свою теорию относительности, многие думали, что с ее помощью можно кое-что объяснить и в политике. Но однажды, когда один из студентов задал Эйнштейну вопрос о том, можно ли так сделать, тот ответил — нет, нельзя, потому что политика сложнее физики. Возможно, это выдуманная история, но мне хотелось бы подчеркнуть, что все, кто здесь выступает, хотят добиться какой-то общей истины в подходе к той или иной проблеме. На мой взгляд, истины, когда мы их начинаем сравнивать и пытаемся совместить, оказываются несовместимыми, поэтому вместо одной истины надо искать правильное решение. В свое время таким верным решением стало принятие права вето, то есть единогласия великих держав в Совете Безопасности ООН.

За это вето наша дипломатия сражалась очень настойчиво. Я помню по рассказам отца, что во время одной из решающих встреч с президентом Франклином Рузвельтом, самым выдающимся американским президентом, он после того, как Рузвельт стал колебаться, сказал, что для нас правило единогласия — это Сталинград — дальше отступать нельзя. И после этого Рузвельт смягчился. В конце концов на Крымской конференции было согласовано право вето. Потом в Сан-Франциско его пытался отменить президент Гарри Трумэн. Он убеждал государственного секретаря Стеттиниуса, что надо попробовать изменить Устав ООН и не допустить принятия права единогласия великих держав. Эта атака была отбита, когда мой отец заявил, что в таком случае Советский Союз не сможет работать в Организации Объединенных Наций.

Устав ООН в международных отношениях второй половины XX века играл очень важную роль — своеобразного якоря, который удерживал эти отношения в бурлящем море. Это полезный Устав, и, с моей точки зрения, ООН было тяжело создать и трудно будет разрушить. Но если ООН разрушат, другой такой планетарной демократической организации, где все имеют право голоса, даже маленькая страна, создать не удастся. Я об этом говорю, потому что не так давно представитель США в ООН Болтон, назначенный Бушем-младшим, заявил: «Такой организации, как ООН, больше нет...» Ну ладно, давайте предположим, что это было просто не очень умное заявление.

Второй вопрос, который я хотел бы затронуть, — о русофобии и антиамериканизме. Такие явления присутствуют в политической жизни — и в США, и в Советском Союзе это было, и сейчас в России, конечно, есть элементы антиамериканизма. Однако, на мой взгляд, это очень незначительная часть настроений в нашем обществе, да и в американском тоже, и в английском. В Англии уважали советскую, а сейчас лю-

бят русскую культуру. Мой сын Алексей, англовед, регулярно ездит в Англию на вышеупомянутую Масленицу и присутствует там как представитель русской общественности. Русофобские настроения на Западе, конечно, присутствуют, но они не являются решающими. Мне, например, приходилось встречаться и с Бушем-старшим, и с братьями Кеннеди, и со многими другими видными американскими деятелями. Я согласен с теми, кто постоянно напоминает нам: если мы ведем диалог, то нужно учитывать национальные интересы другой страны. И нам в России сейчас хочется, чтобы западные партнеры, часто друзья, учитывали, что Россия не может допустить появления НАТО на границе с нашими центральными районами. Это будет самоубийство для России. Я не знаю, что мы сделаем для того, чтобы НАТО не появилось на Украине, но будь моя воля, я бы никогда не пустил его туда. И дело здесь не в какой-то фобии, а в том, что мы не можем позволить, чтобы американцы разместили свои ракеты поблизости от наших границ. Мы в свое время на Кубе их поставили, вспомните, сколько было крика и шума. Я тогда работал в Англии и думал, неужели погибну от советского ядерного оружия в туманном Альбионе. Учет национальных интересов друг друга очень важен. Очевидно, русофобия и антиамериканизм в какой-то степени присутствуют и у нас, журналисты очень любят обострять эту тему. А в народе? Я в Америке прожил 13 лет, в Англии — почти 5 лет и, когда выезжал на лекции и общался с рядовыми англичанами, американцами в глубинке, нигде не замечал русофобии. Да, их волновало наше поведение. Все это обсуждалось, но русофобии я не чувствовал.

Не считаю, как здесь было заявлено, что улучшение взаимоотношений зависит только от России. Улучшение — это двустороннее движение. Назовите мне хотя бы одну акцию нынешнего официального Вашингтона, которая учитывала бы национальные интересы России в каком-либо регионе мира. Мы сделали много примирительных шагов, вплоть до того, что ушли из Центральной Европы. Взяли и ушли, не получив ничего взамен. И в результате имеем сейчас намерение США организовать ракетные базы у нас под боком. Российский народ с этим никогда не согласится.

Тут говорилось, что Россия в долгу перед всеми. Ни перед кем мы не в долгу, так же как и США. Проводится опасная политика, причем учтите, как она проводится: у США сейчас 400 тыс. солдат в 100 странах, то есть прежняя система окружения Советского Союза военными базами сохраняется. Совершенно непонятно, что Вашингтон забыл на Украине.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, Анатолий Андреевич, за ваши интересные мысли. Единственное, я хотел бы сделать комментарий по поводу названия Организации Объединенных Наций. Если оно будет переименовано на «государств», то это будет звучать как “Organization of United States”. Я не думаю, что с этим согласятся другие.

А сейчас попрошу высказаться Валерия Александровича Черешнева.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Уважаемые коллеги, хочу начать с интересной истории. В Петербурге на Английской набережной есть мемориальная доска, свидетельствующая о том, что в 1850–1853 годах здесь работал послом Бисмарк, будущий великий канцлер. Он изучал русский язык и до поездки в Россию, и здесь совершенствовал его. В своих мемуарах он пишет, что он понимает русских, но не может понять русских, которые говорят одно слово — «ничего». Русское слово «ничего». Выходит на улицу, там дождь или что-то еще. Спрашивает: «Как погода сегодня?». Отвечают: «Ничего, нормально, не сильно же льет». Приходит на рынок (а он жил на набережной, и там, где сейчас Дворец Труда, был небольшой рынок), спрашивает: «Мясо есть?». Отвечают: «Есть». Спрашивает: «Как мясо?». Отвечают: «Ничего». Что такое? Что ни спросишь — все «ничего». Через три года, осенью, в октябре, он покидает Россию. Карета подъехала, скрипнуло колесо. И он говорит кучеру: «Что-то не то». — «Да все нормально, барин, ничего, доедем». Только выехали из Петербурга, первый враг, снег. Колесо, конечно, сломалось — карета перевернулась. И вот они с приятелем лежат, окровавленные осколками стекла. Дверь открывается, и этот кучер достает его: «Жив, барин?» — «Да жив-жив... Я же тебе говорил». — «Да ничего, барин, ничего. Живой же». «И вот здесь, — говорит Бисмарк, — за Петербургом, среди этой грязи, на проселочной осенней дороге я понял смысл этого русского слова “ничего”. Весь мир не понимает. А целый народ живет». «Ничего» — слово-оптимист, слово-утешитель, слово диалога, который всех приводит к единому знаменателю. Вернувшись в Германию, он снял с трости, которой хотел отходить кучера, серебряный набалдашник и попросил сделать перстень, на котором русскими буквами было выгравировано: «Ничего». Бисмарк рассказывал, что, когда в правительстве были особенно шумные баталии, он смотрел на этот перстень, и тот его успокаивал. И призывал: «Не делайте резких движений против России — ничего не получится, а ответ будет неожиданным и чаще неадекватным».

Ну а теперь перехожу к теме. Мы говорим о диалоге культур, а важные части культуры — это наука и образование. К 1960–1965 годам сформировались две научные сверхдержавы — Соединенные Штаты и СССР. Освоение космоса и атомный проект были четкими индикаторами этого. И это было уравновешено. Конечно, я согласен с Петром Ильинским, что российская цивилизация всегда отставала от западной. Я не хочу проводить параллели, но вспоминается Толстой, который говорил о том, что, казалось бы, ведь все понимаем что к чему. Взять да хорошим людям объединиться, их же всегда большинство, и дать урок этому маленькому меньшему злу. Но зло всегда активно, всегда настойчиво, всегда с хорошей генетической памятью, и пока не достигнет своих целей даже во вред поколениям, оно свою доминанту функциональной системы этой направленности не исчерпает. Поэтому и возникают агрессивные националистические и фашиствующие движения. В 1961 году, когда я жил на Урале, в Соликамске, и учился в 9-м классе, Никита Сергеевич

Хрущев объявил амнистию и заключенных освободили на 2–3 года раньше. Хорошо помню, как колонны немцев отправляли на поездах через Москву в Германию. И помню, как тысячи бандеровцев (40–50-летние мужчины) покидали Урал и возвращались на Западную Украину. Я знал, что было бандеровское движение и после войны, банды, с которыми боролись, но чтобы в таком количестве!.. Кроме Соликамска была еще и Сибирь, всего освободили более 100 тыс. человек.

Сегодня мы обсуждаем реформу Академии наук. И министр, обосновывая ее, говорит: «Где сегодня передовая наука? На Западе. А где она на Западе развивается? В университетах. Вот и будем стремиться к университетам». И финансирование университетов с 2004 года резко растет, а Академии наук — всего 5–7 %. Но у нас возникает вопрос: «Простите, а какая страна сегодня на втором месте?» — «Китай». — «А в Китае что, тоже в университетах наука?» — «Да нет, в Академии». — «А они с кого кальку сняли в 1949 году?» — «С Академии наук СССР». Почему же положительный опыт страны, которая пошла по нашему пути, мы игнорируем, а киваем в сторону Запада?

Попробуем разобраться, откуда это пошло. Помню, когда в 1990 году меня только что избрали членом-корреспондентом Академии наук, как раз произошел распад Советского Союза, к нам в Россию приехали западные специалисты и сказали: «Мы все проанализировали, мы вам в помощь, коллеги». — «Конечно, мы слушаем». — «Образование у вас слишком теоретизированное. Думаете, мыслите, концепции, теории... Зачем? Нужен рациональный, практически работающий человек. Поменьше этого, побольше практических навыков. Почему у вас столько уроков математики в неделю — это же теория, что — дети все математиками будут? Почему на изучение литературы и русского языка отводится так много уроков, вы что — последователей романтизма воспитываете?» и т. д. Далее мы проанализировали: «Академия наук — это последствия тоталитарного строя. Посмотрите, каждый институт — это почтовый ящик. А у вас как?» — «А у нас демократия, у нас в университетах профессор работает со всеми студентами, аспирантами. И в лабораториях они работают. У вас научные школы эфемерные — это застой. А у нас — защитил докторскую диссертацию и иди на все четыре стороны, прояви себя, покажи, чего ты стоишь». Звучит как будто бы ничего.

И посмотрите, что началось. С 1991 года в науке и образовании насаждается четкая концепция отсталости. То есть капитализм неравный — конечно, есть развитые страны, есть неразвитые. Есть «Большая восьмерка», есть «Двадцатка» и т. д. Россию отнесли к развивающимся странам — периферийный капитализм. И сразу появились советники: а зачем вам весь спектр науки? Зачем вам 8–10 направлений, которые развивает ООН и ЮНЕСКО прежде всего? Достаточно двух-трех. Сосредоточьтесь на наиболее актуальных — вот что главное. Мы отвечаем: «Но есть Швейцария, а есть Россия. Если мы сосредоточимся на одной технологии, то будем в Южной Корее. Да, электроника высочайшая, а все остальное? А все остальное — ноль». Как Россия может сосредоточиться на чем-то одном? По всему

спектру — и широко пахать! Только когда мы так работаем, мы защищены. Мы работаем на систему своей безопасности, и поэтому нам не нужны такие *советы*. Что пытаются сделать из России? Развивающуюся страну. И посмотрите, ведь сделали за 20 лет.

Коллеги обсуждают, почему наукоемкие производства не развиваются, — а потому что концепция другая, к сожалению. Мы стали сырьевой страной, как все развивающиеся страны. Ведь чтобы построить альтернативную энергетику, водородную например, нужно 3 тыс. микроэлементов. У нас в России на сегодняшний день можно получить 1–1,2 тыс., остальное должно поставляться с Запада. Марганец остался на Украине, уран — в Казахстане, свои месторождения еще не разработаны, к тому же это огромные затраты. Кроме того, существует договоренность с ЮНЕСКО, и ООН это продвигает, — северные территории без совместной рецензии не осваивать. Допустим, стали разрабатывать сейчас новое месторождение, установили нефтяную платформу, но пока не побывают представители всех стран, не посмотрят, что это безопасно, чтобы не повторить сценария Мексиканского залива, работы не начнутся, то есть предъявляются высочайшие требования. Мы-то пришли к пониманию, что подобные требования обоснованы. Вспомните: в 2004 году заместитель Фурсенко, Ливанов, начинает реформу Академии наук. Получает отпор. 2006 год — второй отпор. Увольняют Ливанова за то, что не сумел установить отношения с Академией наук. И вдруг его же назначают министром образования и науки Российской Федерации без согласования с Академией наук. То есть человек, который был исполнителем тех реформ в Академии наук, сейчас возглавляет министерство. И в каждом своем выступлении говорит: «Наконец-то Академия стала клубом ученых». И из Академии передаются институты. Это совершенно осознанный шаг. Кто посоветовал? От авторства все отказываются.

В 1991–1992 годах приватизировали все прикладные институты. Закрыли Минсредмаш и сопутствующие организации, в результате из 6,5 тыс. осталось 900 институтов. Все прикладные институты — теперь банки и офисы. Вот вам и реформа прикладной науки. А потом вопрос к Академии наук: а где практическое внедрение?

Я сейчас изучаю историю Академии наук и убеждаюсь, что неоднократно предпринимались попытки реформирования: и во времена министра Уварова, и после Октябрьской революции. Роль и значение Академии, как ни странно, оценил именно И. Сталин, который распорядился в 1934 году переместить Академию из Петербурга в Москву и начать сотрудничать. В итоге с 1931 по 1941 год финансирование Академии наук увеличилось в 25 раз, были созданы 150 институтов, выделены 200 новых вакансий и т. д.

Сейчас хотят всю науку перенести в университеты. Почему? Потому что так в Америке. Но в Америке и Академии наук фактически нет, это же общественный клуб, члены которого собираются, платят по 100 долларов в год, получают три номера журнала и три собрания с чаепитием. Какая Академия наук? Вы к чему нас призываете? У нас по-другому все исто-

рически развивается. Но все-таки я думаю, что «ничего» — все будет нормально.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется Александру Огановичу Чубарьяну.

А. О. ЧУБАРЬЯН: — Проблема, которую мы обсуждаем, очень сложная, комплексная, о ней говорят уже много лет и на разных уровнях. Мировое сообщество не приняло идеи Хантингтона, тем не менее определенное рациональное зерно там есть. Я бы хотел отметить, что проблема диалога цивилизаций всегда была, есть и будет, поскольку существуют объективные ценностные и исторические противоречия, которые вряд ли возможно ликвидировать. Я изучал историю создания Евросоюза и могу сказать, что отцами-основателями он мыслился немного иначе, чем оказалось в реальности. Сегодня практически ни одна страна — член Евросоюза — не готова пожертвовать своими культурно-национальными традициями ради общих экономических интересов и согласования некоторых политических действий. В этой системе противоречий есть одно ключевое понятие — образы, представление одних народов о других. Здесь говорили о русофобии, но ведь она имеет глубокие исторические корни. Вспомним время правления Александра I, когда казалось, что наступает новая эпоха в отношениях с Россией, однако появился граф де Кюстин со своей теорией и на долгие годы снова возродил русофобию. Стереотипы, выработанные 200 лет назад, очень живучи и не уходят из подсознания, их легко реанимировать. Во время Второй мировой войны оказалось, что их можно приглушить или даже отбросить, но в целом эти противоречия очень сильны.

Кроме этого, есть еще национальные интересы, о которых уже упоминали. Когда Г. Киссинджер в своей докторской диссертации сформулировал некоторые подходы к Европе в XIX веке, он апеллировал к европейскому балансу и говорил о том, что все равно есть объективные противоречия интересов Англии, скажем, Франции и Германии. Допустим, если в Лондоне видят, что Берлин слишком «заигрывает» с Москвой, начинают менять ориентиры. То же самое и в других странах. Помимо национальных интересов, есть геополитическое пространство, которое очень расширилось в последнее время и стало малоуправляемым, потому что в него включились разные страны и континенты, например Азия с Китаем и Индией, что также создает значительные сложности.

Следующий момент, о котором я хотел бы сказать, — сегодняшний мир. Холодная война ушла, но ее наследие осталось. Что я имею в виду? В течение многих лет, десятилетий сохранялся биполярный мир. Страны, главные в этом мире, привыкли жить по определенным законам, и весь остальной мир привык жить по этим законам. Поэтому реанимация этого наследия прошлого очень живуча. У нас в Институте всеобщей истории есть Центр по изучению холодной войны, сейчас мы готовим к печати большую книгу, где пишем о том, что холодная война была конфронтацией, но при этом имела определенные ограничители. Ни разу она

не переросла в большую «горячую» войну, потому что имела свои правила игры, каждый знал свое место в этой системе. Это была опасная система, но она не вышла за свои пределы. Поэтому, я думаю, в периоды обострения отношений человечество должно научиться находить такие ограничители, лимиты.

И последнее, что хочется отметить, — возросшее в огромной степени влияние средств массовой информации. Они могут облегчить взаимопонимание, но они же могут и значительно испортить всю картину. Я очень уважаю нашего коллегу из Лондона, который сказал, что английские газеты должны объективно писать об одном, другом и третьем, но российским представителям и сегодня трудно опубликовывать статьи в газетах стран Западной Европы. Потому что у них свои стереотипы в отношении России, и они размещают только те статьи, которые выбирают сами. Конечно, есть еще независимый Интернет, из которого можно получить гораздо больше сведений, но надо помнить при этом, что все независимые и самостоятельные источники информации исповедуют и коммерческие интересы. Поэтому, что бы мы ни говорили, СМИ оказывают огромное влияние на умы и чаяния людей. У меня есть очень хорошие друзья в Европе, и они неплохо относятся к России, но они мало осведомлены. Сведения получают в основном из средств массовой информации своих стран и нигде больше. Люди плохо информированы. Это относится и к западной стороне, и к России, у нас тоже мало информации. Но в целом, я подчеркиваю, мир живет под большим влиянием средств массовой информации, активизирующих стереотипы, о которых я говорил вначале. Поэтому, мне кажется, очень важен момент преодоления психологических барьеров и большей информированности населения о том, что происходит.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я хочу очень коротко ответить — по-моему, Вы абсолютно правы. И я Вам скажу, почему. К сожалению, очень часто мои коллеги вместо того, чтобы публиковать Чубарьяна и, конечно же, Вас, господин Черешнев, публикуют Дмитрия Киселева. И это плохо, я согласен с Вашей критикой. Но в «Гардиан» почему-то предпочитают Дмитрия Киселева.

Г. М. ГАТИЛОВ: — У нас есть еще один гость — Посол Кипра в Российской Федерации господин Касулидис. Я предоставляю ему слово.

ГЕОРГИОС КАСУЛИДИС: — Я полагаю, что человечество стремится к стабильности. Но, к сожалению, как сказал древнегреческий философ Гераклит, «все течет, все меняется». И человечество, на мой взгляд, обречено двигаться через насилие, через борьбу за экономические ресурсы, за жизненное пространство. Эти идеи глубоко укоренены в человеческой природе. Возможно, со временем культура и цивилизация будут существовать мирно, но пока конфликты «выползают» на поверхность и всякая рознь между идеями и цивилизациями становится способом существования. И в XXI веке конфликты еще не закончились. Мы ви-

дим, что сейчас война ведется уже без взятия пленных, без открытых столкновений, как, например, на Ближнем Востоке, но — как сопутствующие потери — в ней страдают христианские общины на Востоке. В Европе был период, когда казалось, что Европейский Союз станет объединяющим фактором для всего континента, собравшим все разнообразные культуры под одной крышей. К несчастью, несколько лет назад еврокризис, а теперь украинский кризис показали, что эти надежды не оправдались.

В моменты кризиса очень важен диалог. Как говорил господин Моратинос, при столкновении цивилизаций диалог обязателен, и большая ошибка, что эти дискуссии пока ведутся только учеными и исследователями. Диалог — очень хорошая возможность приостановить кризис в зародыше. Мы упустили этот шанс с Украиной, потому что прислушались к собственным аргументам, а не к аргументам другой стороны. Стереотипы, застарелая вражда и подозрения отравляют нашу жизнь, но я твердо верю, что все-таки удастся урегулировать этот спор, и я соглашаюсь с моим испанским коллегой в том, что сейчас надо стремиться к Большой Европе. Это должно стать примером сдерживания кризиса, так же как произошло с использованием химических отравляющих веществ в Сирии, когда благодаря усилиям дипломатов конфликт был ликвидирован, и сейчас химические отравляющие вещества там уничтожаются. Это был успех российской внешней политики в том числе. Поэтому первое и главное правило — никогда не прекращать переговоры. Необходимо искать тайные силы, раздувающие конфликт, которые обязательно будут не идеологическими, историческими или культурными, а, конечно, экономическими. И надо стараться сделать так, чтобы никто не манипулировал этими силами и тенденциями. Только диалог спасет во время кризиса. И я предпочитаю горячие споры в этом зале спорам на улице или на поле боя.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо, господин посол. Слово предоставляется господину министру Мигелю Моратиносу.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Мне было очень интересно слушать этот страстный и очень информативный спор. Но я хотел бы подвергнуть некоторой критике то, что мы сегодня выслушали. Я думаю, вам стоит со мной согласиться в том, что мы немного западноцентричны. Каждый раз мы говорим, что находимся в большом глобальном мире, здесь присутствуют наши коллеги из Китая, представители Филиппин, Африки.

Отец нашего коллеги Громько совещался с президентами Рузвельтом и Трумэнном, они определяли судьбу XX века. Но мировой порядок изменился, сейчас 2014 год. Не надо нам обращаться к прошлому и применять подходы прошлого к сегодняшнему дню. Вы хотите выиграть информационную войну. Я откровенно говорю: вы хотите биполярного мира и возвращения холодной войны. Может быть, лучше преодолеть ее наследие? Предложить новые инструменты, новые

платформы, новые концепции будущего, новые идеи? Иначе у нас будут продолжаться кризисы, как тот, что сейчас разразился на Украине. И мы вновь не сможем выработать результативного решения.

Действительно, что надо делать на Украине? Трагедия состоит в том, что за последние 10 лет либо Европа, либо Россия, либо американцы должны были что-то делать. Почему у нас нет коллективной платформы? У нас глобальный мир, глобальная иммиграция, глобальное изменение климата. У нас есть глобальный исламский радикализм — в Африке, республиках Средней Азии. У нас есть Иран.

Но мы должны помешать глобальному голоду на Украине. Россия усилит свое военное присутствие в Крыму, свою военную базу — понятно, она тоже должна защищаться. И мы должны защищать нашего общего друга. Давайте изменим эти традиции: лучше объединимся и попробуем решить проблемы безопасности хотя бы в одном регионе. Культурный диалог должен использовать новые инструменты для облегчения понимания и решения конфликтов в сегодняшнем мире.

Наш Комитет может обратиться к ООН и к кому-нибудь еще, если сочтет нужным, чтобы ученые попробовали разработать новую концепцию — обязательно новую. Мы все время обращаемся к прошлому, а сейчас 2014 год. Вокруг нас молодые люди, новые средства связи, новая экономика, которая должна полностью изменить наши взгляды на жизнь. Я думаю, что мы можем добиться успеха. Не будем ломать старую систему, пока не найдено решение. Культурное разнообразие обязательно должно быть учтено при реформе ООН.

Здесь упоминалось право вето. Может быть, сейчас пора поменять Совет Безопасности и его регламент, избрать нового Генсека ООН, употребить какое-то новое влияние? Вы критикуете Штаты, я тоже, но, пожалуйста, сами не совершайте ошибок, которые делают американцы, потому что вы все время хотите победить. Вы хотите получить такое же влияние, как они, или даже большее.

Пока я был министром, я проехал более 10 млн миль по всему миру. И могу сказать, что мир изменился. Конечно, Европа важна, но Европа и Россия, вместе взятые, еще более важны. Вопросы мира и войны должны решать не только мы. Африка, Латинская Америка, Азия — все эти страны имеют право голоса и выбора. У нас есть колоссальные возможности, есть люди, располагающие опытом, знаниями, историей. Как говорил господин Мамедов, мы должны определить ценности, которыми руководствуемся, и таким образом способствовать разнообразию культур без вражды между ними. В Европейском Союзе высказывается такая идея — единство через разнообразие.

Г. М. ГАТИЛОВ: — На трибуну приглашается Владимир Константинович Мамонтов.

В. К. МАМОНТОВ: — Уважаемые коллеги, я вместе с Виталием Товиевичем Третьяковым представляю журналистов, которые неоднократно упоми-

нались здесь в различных контекстах. Мы говорим сегодня о диалоге. Я слышу, что журналисты всегда заостряют и «разжигают» диалог. Может быть, но давайте по-честному. Мы участвуем в заседании. Когда мы внезапно просыпаемся и слушаем внимательно? Когда чувства и подлинная заинтересованность пробиваются сквозь благорассуждения о необходимости, упрочении и всяческой нравственности. Когда заостряют. Когда чувствуешь накал, тогда диалог важен и полезен. Вы сами скажете, насколько он полезен вам, но мне, как журналисту, полезна именно эта часть диалога.

В балете Баланчина «Драгоценности», который мы вчера смотрели в Мариинке, последняя часть — «Бриллианты» — прекрасна, она благорассуждающая, благо-растворяющая. Но волнение и трогательность — в «Рубинах» Стравинского. Чувство нового, движение вперед, прорыв и в хореографии, и в музыке... Для меня «Рубины» являются главной внутренней частью. Мне хотелось бы, чтобы так было и в нашем диалоге.

Для чего диалог ведется, сколь он важен и нужен ли он, тем более диалог цивилизаций? Важны не только основные тезисы, но и наши невольные или вольные стилистические обороты и оговорки. Например, когда человек говорит «ваш Кучма», он отгораживает себя от целого куска нашей совместной истории — российской, украинской, мировой. Но зачем?

Если мы что-то хотим понять глубоко, мы не можем отгородиться от того, что говорил нам украинский академик, выдающийся археолог Петр Толочко, мы должны это иметь в виду. Сегодня говорили также о том, как людей можно ассоциировать с тараканами и колорадскими жуками, если не хочешь вести с ними диалог. Это история о том, как сначала человека или страну постепенно выводят из ранга тех, с кем можно разговаривать, переводят в разряд чуть ли не насекомых, а потом их не жалко. И мы этот интересный «диалог» постоянно наблюдаем и видим на телеэкранах и в жизни, особенно на примере Украины.

Я не раз специально ездил на Украину, для того чтобы своими глазами посмотреть, что на самом деле происходит. Для меня это чрезвычайно важный момент. Я сам хочу понять, потому что не доверяю многим участникам диалога. Не верю в их объективность.

Коллега из Великобритании в своем замечательном выступлении сказал, что нет никакой русофобии, и привел в пример Масленицу на Трафальгарской площади. Я бывал на этом мероприятии. Во-первых, там живут уже почти 500 тыс. наших соотечественников, и многие пришли — для них эта Масленица чрезвычайно важна. Некоторое число имеется и настоящих англичан, которые пришли поглазеть и бесплатных блинов поесть. В общем-то все весело, никакой русофобии нет — если судить по этим критериям.

Так и у нас антиамериканизма нет. Наши книжные полки с советских времен заняты многотомником Фолкнера в черной обложке. А в сердцах у нас разве не Холден Колфилд, если говорить о том, что в Англии — Чехов? Когда умер Стив Джобс, вся наша молодежь рыдала — так не рыдало, простите, старшее поколение, когда Сталин умер.

Отвечая господину Чубарьяну, наш коллега из Великобритании сказал: «А знаете, почему “Гардиан” не напечатал вашу статью? Потому что он напечатал статью Дмитрия Киселева». И все думают: как нехорошо вышло! Оказывается, Дмитрий Киселев занял место Чубарьяна на страницах «Гардиан»! То у нас во всем Путин виноват, теперь — Киселев. Идите, господин Чубарьян, к Киселеву и с ним договаривайтесь, кому из вас в «Гардиан» печататься. Это разве серьезный диалог? Разве это объективная оценка положения вещей? Давайте эти тонкости диалога тоже замечать, изучать, не фальшивить, поскольку люди собрались умные, тренированные, и тогда диалог получится весомым, важным, значительным. И он нас продвинет, как Стравинский продвигал музыку вперед после Чайковского, не отменяя его.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется Андрею Вадимовичу Смирнову.

А. В. СМІРНОВ: — Анализируя все, что сегодня было сказано, я подумал о том, что некоторая категориальная строгость здесь была бы нам полезна, — ведь мы говорим о диалоге культур, об их взаимодействии. Но в каких условиях происходит этот диалог, в каких позициях находится культура, которая вступает в диалог? Я благодарен профессору Ильинскому за то, что он упомянул книгу Николая Яковлевича Данилевского «Россия и Европа». Там дана интересная схема, интересная теоретизация. Данилевский говорит о трех разных позициях, в которых могут находиться культуры, вступающие во взаимодействие. Первая из них — колонизация, когда одна культура физически оказывается на территории другой. При этом колонизация ведь не обязательно происходит путем переноса носителей культуры. Чтобы нас колонизировала Америка, американцам не обязательно сюда приезжать. Это может происходить иначе.

Например, в IX веке в Кордове Альвар Павел, один из христианских авторов, друг епископа Кордовы, писал с нескрываемой болью, что в Испании не осталось ни одного христианского юноши, сколько-нибудь сведущего в науках, который мог бы читать церковные тексты на латыни. Они все знают арабский лучше арабов, сеговал он, они все носят арабскую одежду, они тратят невероятные суммы на то, чтобы набить свои библиотеки арабскими книгами, а когда с ними говоришь о красотах Писания, смеются и говорят, что в христианских книгах нельзя найти ничего сколько-нибудь стоящего.

Это, конечно, колонизация изнутри. Но сила Запада была в том, что он смог перейти на другие уровни взаимодействия. Следующий уровень, о котором говорит Данилевский, — прививка. Такая биологическая метафора. Когда у вас есть какое-то дикое дерево, ему прививают более культурную веточку. Эта культурная веточка дает очень хорошие, вкусные плоды. Но она дает их за счет сил материнского дерева и мешает тому развиваться.

Мы в России те 200 лет, о которых говорил профессор Ильинский, находились в состоянии этой при-

вивки, да и сейчас находимся. Когда мы говорим о диалоге, создается ложное впечатление, что диалог идет между равноправными партнерами. Да ничего подобного. Неравноправие имеет много измерений, но самое главное, фундаментальное: кто к кому привит?

Третий уровень взаимодействия культур, о котором говорит Данилевский, — когда другая культура и ее достижения становятся питательной почвой для твоей собственной культуры, для твоего собственного древа. Опять биологическая метафора. Сила Запада, когда он совершил прорыв в XV веке, заключается в том, что он сумел подняться на эту третью ступень. Смогут ли другие культуры это сделать? Смогут ли взрастить собственное древо? Это не значит, что надо обрубить привитые ветви, но нужно сделать что-то очень трудное, чтобы этого достичь.

Далее. Различение двух категорий, «общечеловеческое» и «всечеловеческое», которое ввел Данилевский, к сожалению, привлекло недостаточно внимания. Категория общечеловеческого соответствует тому состоянию, когда мировая культура, глобальная культура (а наша секция называется «Становление глобальной культуры») идет по второму из трех направлений, описанных Данилевским. То есть когда некая культурная ветка прививается всем культурам. Скажем, все деревья в мире привиты так, что начинают приносить только груши — это и есть распространение одной культуры на весь мир. Или мы решаем, что из всех цветов роза — самый красивый цветок, и все будут выращивать розы, а остальные цветы в букет не идут. Категория всечеловеческого — это когда каждая культура не игнорирует достижения других культур, но способна внести что-то свое, уникальное, в этот мировой букет. И в этом случае букет мировой цивилизации составляется не из одних только роз, а из разных цветов. Мне кажется, идея Данилевского заслуживает внимания и может быть востребована, когда мы говорим о том, как можно обеспечить равноправие культур, сохранение их культурной «самости» при безусловном взаимодействии, усиливающемся в условиях глобализации. И это важно для России, потому что она в каком-то смысле — это целый мир. Христианская и исламская культуры — родные для России. Мусульмане здесь не пришлые, не мигранты. Значит, нужно обеспечить равноправие и взаимодействие культур, создать такое цивилизационное пространство, чтобы Россия не развалилась, не раскололась по этим линиям (а попытки осуществить такой раскол, как мы знаем, предпринимались, они просто пока не сработали). Для нашей страны, если она сможет это сделать, это станет осуществлением такого цивилизационного проекта, который может привлечь внимание других стран.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется Фариду Абдуловичу Асадуллину.

Ф. А. АСАДУЛЛИН: — Вопрос и проблема, которую мы сегодня обсуждаем, действительно многосоставная и многосложная. Когда мы говорим о влияниях одних на других, то сразу возникает целый ряд проблем, насколько идеи соседа могут быть близки мне

по духу, по культуре, по менталитету. Сегодня разговор шел о том, является Россия частью Запада или частью культурно и географически более пространной территории.

Данилевский, кстати, в одной из своих работ говорил, что Запада как такового нет. Есть западный полуостров Евразии, евразийского пространства. И мне кажется, в этой оценке очень много исторической правды. Потому что Россия — действительно некое синтетическое образование, где целый ряд культурных традиций, евразийских народов внесли свой вклад в тот цивилизационный облик, который она сегодня обрела и обретает. России явно тесно в рамках одной лишь культуры и цивилизации Запада. Это бесспорно.

Я хочу остановиться на двух моментах, которые были затронуты в предыдущих выступлениях. Недавно прошло «Евровидение», и все вы знаете, что победителем стала бородастая женщина Кончита Вурст. На следующий день я был в университете, и этот вопрос сразу стал предметом внимания сначала преподавателей, а потом и студентов. Студенты сразу же изрекли: «Гей-культура прет».

Я не знаю, насколько такая оценка выражает ощущения всей молодежи и можно ли к такому выбору «просвещенной» Европы относиться всерьез. На мой взгляд, это дурновкусие. Люди моего поколения, наверное, удивляются: куда движется европейская культура, если это ее осознанный выбор? Эпатаж? Но, с другой стороны, мы помним, что у Игоря Стравинского в опере «Похождения повесы» (это было в 1950-е гг.) тоже возникает образ некой женщины с бородой — Бабы-турчанки. Там это «читается» как некий каприз художника, его чудачество. В случае с Кончитой Вурст смысл глубинно другой и не такой безобидный, как мне кажется.

Известный американский политолог Фарид Закария лет 10 назад в одной из своих работ написал такую сакраментальную фразу: «XX век был веком Запада, XXI век станет веком остальных». Игра слов: the west — the rest. И действительно, пытаясь оценить, какие тенденции сейчас возобладали в мировом развитии, понимаешь, что цивилизационным локомотивом становится мир конфуцианства, а отчасти и мусульманский мир. Я говорю об этом, потому что очень многие мусульманские интеллектуалы сегодня живут далеко за пределами тех территорий, где выросли поколения их предков: во Франции, Испании, Бельгии. Это люди, которые обрели свою родину далеко от Каира или Дамаска и к миру традиционной исламской культуры относятся очень условно. Это в полном смысле мусульмане Запада, западной культуры. Они занимают не последние места в истеблишменте конкретной европейской страны.

Виталий Третьяков утверждает, что в диалоге всегда есть победитель, я разделяю его мнение. Даже сегодняшняя наша дискуссия наводит на эту мысль. Победителем будет та сторона, которая сможет понять и, если угодно, принять доводы своих оппонентов. Это будет некий гибридный вариант «победителя», синтетический победитель, его глобализированный вариант.

П. П. ТОЛОЧКО: — Мне очень понравился тезис господина Моратиноса, что надо не оставаться в прошлом, а мыслить новыми категориями и императивами. Показалось, что мы тут застряли, а они уже мыслят новыми категориями. Скажите, пожалуйста, НАТО — это новый императив, новая категория международной политики?

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Нет.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Я бы хотела пожелать нашим европейским товарищам в современном контексте больше думать о собственном суверенитете.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо за комментарии. Мое резюме будет кратким. Мне кажется, что состоялась очень продуктивная дискуссия. Были высказаны самые различные мнения, причем как теоретического характера, так и конкретные предложения о том, как дальше развивать культуру диалога, диалог цивилизаций, а также по ряду других, смежных вопросов. Надо признать, что и диалог цивилизаций, и культурные вопросы, и наука, и все, что связано с ними, так или иначе замыкаются на политике. Эта мысль четко звучала во многих выступлениях. Поэтому, как бы мы ни хотели, но степень развитости этого диалога все равно будет зависеть от политических и межгосударственных отношений в мире. Будут они развиваться успешно — значит, и межкультурный диалог пойдет лучше.

В то же время даже если в межгосударственных отношениях, в отношениях между странами возникают кризисы политического, военного характера и им подобные, все равно площадка для развития и обсуждения вопросов культуры, диалога и партнерства цивилизаций остается. Я обратил внимание, что в ходе дискуссии были затронуты такие тематические аспекты, как экономическая составляющая этого процесса, необходимость учитывать культурное разнообразие, избегать двойных стандартов. Очень порадовало, что мы вышли за пределы обсуждения европейско-американских дел и говорим про Африку, где множество собственных проблем, порой куда более сложных, чем те, что испытываем мы. Там и народ другой, и менталитет, и культура другая, да и потенциал не позволяет во многих случаях развивать сотрудничество так, как им хотелось бы. Поэтому африканцы во многом опираются на развитые страны — Америку, государства Европы, Китай, ориентируются на них.

Роль науки и культуры очень важна, и здесь всегда присутствуют национальные интересы. Вполне естественно, что наша дискуссия во многом была сосредоточена на ситуации, складывающейся на Украине. И тут действительно возникает вопрос: какой это разлом — цивилизационный или культурный? Вроде бы общность есть, а проблема существует, и как ее решить, мы пока не знаем.

Очень много говорилось и о роли СМИ. Конечно, она высока, и все это признают. Тот потенциал, которым обладают западные СМИ, несомненно, превосходит наш. Тем выше их ответственность. Не скрою,

от западных СМИ хотелось бы видеть более объективное освещение ситуации. Я согласен с профессором Чубарьяном, что, видимо, до западных читателей не доходит многое из того, что происходит и на Украине, и вокруг нее. В определенной мере причина этого в том, что СМИ на Западе сейчас в большой степени идеологизированы.

Вспомним недалекое прошлое. Когда американские журналисты пытались объективно освещать иранские события, они просто были уволены. И об этом всем известно. «Гардиан» отказывается печатать статьи того же Чубарьяна. Но в то же время там есть и достаточная доля объективных корреспондентов, журналистов, и это мы не можем не признавать. Буквально сегодня услышал сообщение о том, что журналист из «Гардиан» опубликовал книгу про Сно-

удена, — ясно, чем ему это грозит. Но объективное донесение информации до читателей создает определенный фон для сближения наций, культур, налаживания диалога. И хотелось бы, чтобы СМИ и у вас, и у нас играли бы роль моста между народами. Я понимаю, что это трудно, есть определенные сдерживающие факторы, но все-таки роль СМИ в этом плане уникальна.

Хочу особенно поблагодарить всех наших зарубежных гостей, которые присутствовали на Лихачевских чтениях, за их активное участие. Мы многое услышали от вас. Ваше видение для нас очень важно, и, конечно, мы рассчитываем в дальнейшем на самое тесное сотрудничество с вами как по этим, так и по многим другим вопросам.

Всем большое спасибо!